

ВЕРНОСТЬ СЕБЕ

Фикрет Годжа... Давние его стихи вспомнились.

*...Как хорошо, что весны есть и зимы,
А мы не знаем времени границы,
И что един наш мир необозримый:
Под нами – рыбы, а над нами – птицы.*

*Как хорошо, что небу улыбнемся,
Что поглядим, как ветер волны множит,
Что мы в конце концов к земле вернемся,
Или она вернется к нам, быть может...*

*Ах, кто кому принадлежит – не важно,
Мы зря об этом непрестанно судим,
Ведь все, что человек вершит отважно,
Останется равно – земле и людям.*

*Мы ищем в прошлом завтрашних ответов,
Мы в новый день спешим, к иным пределам...
Как хорошо, что есть на свете белом
Грядущее... Хотя и странно это.*

Бывает, когда переводы так же близки тебе, как собственные стихи. Это случается, конечно, чрезвычайно редко, но все-таки случается. Так у меня с Фикретом. Первопричина тут, конечно, в оригинальных стихах: Фикрет Годжа – поэт сильный, своеобразный, парадоксальный. Все это осталось бы в его стихах, и я все это увидел бы наверняка, если бы мы и не были знакомы. Но я очень рад, что знаю Фикрета лично многие годы, и каждая встреча с ним была радостью. Когда человек талантлив – он во всем талантлив. Сейчас мне кажется, что еще до того, как я познакомился с Фикретом, я видел его портрет, написанный Тогрулом Нариманбековым: изумрудные глаза на пол-лица и ощущение какой-то детской наивности (ему на портрете – лет 25), так вот – сочетание детской наивности и мудрости старца. Он же неслучайно взял псевдоним Годжа – «Старик». Убейте, не помню, где познакомились. Начну с того, что помню лучше всего – как мужественно вел себя Фикрет, когда у него неожиданно обнаружилась страшная болезнь. Он ни в чем и никогда не показал слабости, паники, да просто – дурного расположения духа, которое в этом состоянии неизбежно. Человек носит в себе мину замедленного действия, и механизм тикает...

*Шел под солнцем я неторопливо,
Как горы, переваливая года.
И вдруг я увидел – я у обрыва
И вниз меня тянет, туда...*

И кончались эти стихи, переведенные Мансуром Векиловым, так:

*Тьма отступила и скрылась далече,
В дальние дали... Да?*

Я совершенно уверен, что мужество Фикрета сыграло огромную роль в том, что он преодолел страшную болезнь. Многие окружающие тогда (а дело было около тридцати лет назад) с ним уже попрощались. Помню, как сокрушенно покачивали головами, ничего не говоря вслух, редакторы издательства «Советский писатель» в Москве, где тогда выходила в моих переводах его книга. Молчаливо считалось, что

это – как бы прощальное издание. Какое счастье, что всё оказалось не так.

А Фикрет был в своем репертуаре. *«Врач мне говорит, – рассказывал он, – не сиди на сквозняке! Наивный человек – он думает, у меня есть, что застуживать!»* (Он лишился тогда легкого).

...Среди откликов на мои «заметки о писателях» были и такие голоса: «Какие они все у тебя хорошие, правильные, сильные, талантливые – ну просто идеальные! Странно как-то...»

А чего странного, уважаемые господа? Я пишу о людях, которых люблю. Которых я знал многие годы. Иных уж нет, другие, к счастью, живы. Никто из них не идеален, и создание образов положительных героев меня интересует меньше всего.

*Да будем мы к своим друзьям пристрастны,
Да будем думать, что они прекрасны!*

– эти слова Беллы Ахмадулиной очень отвечают тому состоянию, которое я хотел бы передать.

* * *

Еще из высказываний Фикрета: «Поэзия – дело сугубо индивидуальное, неподвластное никаким законам, правилам и установкам. Это – как боль. Можно всей душой сочувствовать человеку, но ощутить его боль как свою – не фигурально, а в реальности – нам не дано. Мы пишем в одиночку и умираем в одиночку. Близость к народу, если она существует, не от нас зависит, и, уж конечно, не от правительства... Может быть – от времени? Поэтому лукавая задумка Советской власти – все эти звания «народных» и «заслуженных» – лишена всякого творческого смысла. Вроде и неловко об этом говорить, когда сам 50 лет носишь это звание, но я же давно об этом писал, давно, не сегодня!»

* * *

Я попросил Фикрета выступить в школе, когда Роман, мой старший, был, кажется, классе в седьмом. То есть – самое начало восьмидесятых, время глубокого и благодатного застоя. Первые слова Фикрета были: «Мы оставляем вам задыхающийся от мазута Каспий, гибнущие от ядовитых дождей леса. Оставляем города, в которых скоро невозможно будет дышать из-за автомобильных выхлопов. Мы оставляем вам планету, где две трети населения голодает, где все время идут несправедливые войны, где несправедливость правит и торжествует. Многие говорят, что человечество близко к самоуничтожению – вот какой мир мы оставляем вам в наследство. И вы должны понять, куда вы этот мир поведете».

Помню расширенные от страха глаза учительницы. Но – знаменитый поэт, лауреат и т.д. Раз он так говорит, значит, в этом что-то есть. А дети как раз реагировали совершенно нормально. Им было интересно.

* * *

Запомнил мысль Фикрета, к которой он не раз за годы нашего знакомства возвращался. Передаю не точные слова, понятно, а смысл.

«Часто говорят, что мы – «народ поэзии». Сомневаюсь. Из этого должно, вроде, вытекать, что народ стихи читает и знает. А у нас действительно чуть не каждый пишет стихи. Но это как в том анекдоте про чукчу: «чукча не читатель, чукча – писатель»... Иногда кажется, что у нас в Азербайджане, к сожалению, уже нет читателей, а только одни писатели... А на самом деле настоящей поэзии очень мало. И мало людей, ее понимающих. А писать – да, все пишут...»

Его давние стихи – о настоящих поэтах:

*Падают деревья над Курой,
Отчего – никто не знает толком,
Говорят – от старости и только
Падают деревья над Курой.*

*Высохли их мощные стволы,
Ветви вниз опущены бессильно,
И не слышно над рекою синей
Звука суматошного пилы...*

*Сами, молча, в шелесте воды
Рушатся, не находя опоры,
Дерева... Посадки будут скоро,
Саженцев поднимутся ряды.*

*Только эти саженцы – не лес,
Слишком всем ветрам они покорны.
Долго им еще готовить кроны,
Чтобы доставали до небес,*

*Много надо выждать зим и лет,
Выдержать и солнце, и морозы...
А пока – кустарник здесь разросся.
Кустикам простор – деревьев нет!*

*Видно, были слишком высоки,
Слишком широко простирали длани...
Как богатыри на поле брани
Падают деревья у реки.*

Фикрет Годжа говорил: «В каждом человеке сидят двое – умный и дурак. Всю жизнь между ними происходит борьба, и к старости один добивается над другим заметного преимущества... Дурак, к сожалению, побеждает чаще...»

...А однажды мы с Фикретом попали в автомобильную аварию – этот день не просто вспоминать, даже через столько лет. По узкой шувелянской улице несся самосвал. Надо представлять себе абшеронские стародавние поселки, их разноразмерные домишки, их улочки с неожиданными поворотами, где и двадцать километров в час – большая скорость. Этот самосвал несся на все пятьдесят-шестьдесят. А «для безопасности» непрерывно гудел. Совершенно не помню его водителя – и без него было о ком думать. На переднем сидении рядом со мной был Фикрет, на заднем – наши жены и маленький сын Яшка, было ему года четыре. Это мы с Людой и Яшкой приехали в гости к Фикрету на дачу, и решили поехать на море. Вот и поехали...

Я осторожно высовывал нос машины в закрытый поворот, гудка самосвала не услышал. Удар был очень сильный. Нас спасло то, что, отброшенные самосвалом, мы ударились задом в ворота школы, а они были заперты, но замок оказался хлипкий. А потому – ворота распахнулись, спружинили и как бы погасили удар. Благодарение небу, никто из нас сильно не пострадал. Ушибы, ссадины – и только. Поистине, судьба нас всех хранила, потому что на то, что осталось от автомобиля, смотреть было страшно. Мы были совершенно ошарашены. Помню, на улицу выскочили люди, стали спрашивать, нужна ли помощь, потащили нас всех к себе в дом, за праздничный стол. И вот за столом Фикрету стало плохо. Но – удивительное дело – он и в этом состоянии как будто больше всего заботился о том, чтобы не привлекать к себе внимания.

Через несколько дней я зашел к нему. Фикрет был непривычно мрачен. «Да нет, – отмахнулся он на мои вопросы, – все в порядке. – И спросил таинственно: –

Ты знаешь, что такое «чылтак»? Я не знал. «Короче говоря, – продолжал Фикрет, – мы должны проделать тот же маршрут, что мы так неудачно завершили в воскресенье, но теперь уже завершить его успешно, благополучно, с удовольствием. Чтобы в душе не оставалось страха и обиды. Таким образом, мы с этим делом и с неприятными воспоминаниями о нем покончим раз и навсегда. Как ты думаешь?»

Не помню, что я ответил, но слово «чылтак» с тех пор запомнил. И, бывало, когда случались неудачи, думал – надо «сделать чылтак». И делал... И помогал. Хотя в словаре точного значения этого слова я так и не посмотрел никогда.

* * *

Когда в зрелом возрасте, после большого перерыва, я снова сел за руль, привыкал водить с трудом. Пришлось попотеть. Мудрый Фикрет утешал меня: «Ты же знаешь, что шофера – самый тупой народ, знаешь? Вот! А машины они хорошо водят. Не огорчайся, привыкнешь!» И, как всегда, настоящий поэт оказывается прав, даже когда говорит вещи странные...

* * *

Было в советское время такое заведение – бюро пропаганды советской литературы. И раз в месяц, иногда – реже, иногда – чаще, соединенные в группы по нескольку человек, советские писатели ездили встречаться с трудовыми коллективами, чтобы быть, естественно, ближе к народу и его нуждам. Мы с Фикретом довольно часто оказывались в одной группе. Всегда приятно было смотреть, как он общался с читателями... Никакого сюсюканья, никакого заигрывания. И – искренняя радость, когда кого-то из выступавших принимали теплее и лучше, чем его. (А поэты – даже самые умные и талантливые – ревнивы к успеху других, как женщины). У Фикрета этого близко не было.

* * *

Он когда-то давно перевел на азербайджанский цикл моих стихов и опубликовал. Переводы были, по-моему, замечательные – не слова были переданы, а настроение и музыка. «...Tez-tez yeni il gələcək/Bu ilin üstə,/Bu il ağır ilim oldu...»

У меня и в самом деле было тогда очень трудное время в жизни – и счастлив я, что друзья и товарищи были со мной рядом. Фикрет – в том числе.

* * *

К старости мы становимся иными. Как написал Борис Слуцкий,

*Нет, оступаться – слишком кость ломка,
И мало времени у старика,
И чересчур близка
Та самая, последняя черта,
которую никто не переходит...
Поэтому так часто к ним приходят
И высота,
И чистота.*

У Фикрета в недавнем интервью прочел пронзительные строки об этом, ими и закончу:

«Я уже тот человек, который понимает, что, молясь Богу, все равно, в какую сторону смотреть. Необязательно смотреть в сторону Каабы. Если я молюсь Богу, я стою лицом к нему, куда бы ни смотрел.

Новый человек, живущий во мне, это понимает».